РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
Отделения историко-филологических наук

2019

Том 9

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

Москва
2020

Ещё раз о древнерусских надписях на стенах церкви Св. Пантелеймона в Галиче[1]

А. А. Гиппиус, С. М. Михеев

Широкому кругу исследователей древнерусской культуры эпиграфический комплекс церкви Св. Пантелеймона в Галиче был до последнего времени знаком по чрезвычайно яркой надписи актового содержания, впервые изданной в 1914 г. И. Пеленским [*Pełeński*, 1914: 31–33] и спустя восемьдесят лет по-новому прочитанной Т. В. Рождественской (далее — № 1), а также по трём надписям с точными датами, в одной из которых Т. В. Рождественская прочитала дату 6702, то есть 1194 г. (№ 5)[2]. Опубликованная в 1996 г. статья В. С. Вуйцыка с альтернативным прочтением этой даты и сообщением о наличии на стенах церкви ещё двух многострочных граффити (№ 2 и 4) [*Вуйцик*, 1996] не получила должного отклика в научной среде[3]. Положение резко изменилось в 2016–2018 гг. с выходом сразу нескольких работ, посвященных галицким граффити. Наиболее масштабная из них — свод храмовой эпиграфики Галича, изданный В. В. Корниенко и включивший 781 граффито церкви Св. Пантелеймона, из которых около 20 составляют кириллические надписи древнерусского времени [*Корнієнко*, 2018: 83–498].[4] За год до выхода этого свода В. В. Корниенко опубликовал четыре пространных текста, составляющие ядро комплекса: уже известный акт князя Мстислава (№ 1) и ещё три надписи актового характера (№ 2–4) [*Корнієнко*, 2017: 86–104], о двух из которых сообщал В. С. Вуйцык. Происхождение всех четырёх надписей исследователь связал с деятельностью канцелярии Мстислава Мстиславича в первой половине 1220-х гг. На страницах того же издания увидела свет статья В. Слободяна и А. Гусака, которые независимо от В. В. Корниенко опубликовали и исследовали текст, содержащий упоминания подвойского и сотского (№ 2) [*Слободян, Гусак*, 2017: 105–114]. Годом ранее, в 2016 г., вышла статья одного из авто-

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»). Авторы признательны сотрудникам Лаборатории RSSDA и лично Ю. М. Свойскому за съемки и изготовление 3D-моделей галицких надписей, а руководству Национального заповедника «Древний Галич» — за разрешение на съемки. Отдельная благодарность — М. М. Волощуку и А. Е. Стасюку за организацию съемок. Украинский перевод данной статьи (без ее третьей части) одновременно публикуется в пятом выпуске ивано-франковского сборника «Галич».

[2] См. [*Могытыч*, 1982: 66], где приведены чтения В. С. Вуйцыка; [*Рождественская*, 1990: 56; 1991: 94–95, № 58–59; 1992: 124–134, № 84–86; 1996; *Вуйцик*, 1996; *Иоаннисян*, *Рождественская*, 2007; 2009].

[3] К сожалению, в многочисленных работах Т. В. Рождественской нет ссылок на исследования В. С. Вуйцыка, а в статье самого В. С. Вуйцыка не упоминаются работы Т. В. Рождественской.

[4] В книгу, в частности, вошли и надписи из Успенской церкви в селе Крылос. К сожалению, нумерация В. В. Корниенко не может быть использована, так как носит хаотичный характер. Желающих воспользоваться книгой В. В. Корниенко следует также предупредить о том, что схема расположения надписей на стенах церкви Св. Пантелеймона [*Корнієнко*, 2018: 300 (табл. XXVII)] содержит ошибки: в ней перепутаны литеры E и F.

ров настоящей работы, где была опубликована надпись № 2, предложен ряд поправок к чтению и интерпретации граффито № 1 и частичное прочтение плохо сохранившегося акта с упоминанием тиуна (№ 4) [*Гиппиус*, 2016: 49–64]. Подчеркнём, что статьи В. В. Корниенко и В. Слободяна с А. Гусаком, хотя формально и вышли годом позже работы А. А. Гиппиуса и содержат реакцию на неё, представляют прочтения надписи № 2, к которым авторы пришли совершенно независимо: для эпиграфики древнего Галича просто «приспело время». Благодаря названным публикациям стало ясно: церковь Св. Пантелеймона была неслучайно названа И. Пеленским «каменным архивом» — на её стенах до нас дошёл уникальный комплекс судебных актов XIII в., содержащий самые ранние образчики этого подвида древнерусской некнижной письменности[5].

Тому, что этот комплекс, долгое время остававшийся не востребованным наукой, стал предметом независимого изучения сразу нескольких специалистов, можно было бы только радоваться, если бы не следующее обстоятельство: результаты прочтения документов галицкого «архива» сильно расходятся между собой. Особенно показательна в этом отношении надпись № 2, которая на протяжении двух лет была опубликована трижды. Остановимся подробнее на различиях между её трактовками, для чего приведём три записи текста вместе с переводами и реконструкциями.

А. А. Гиппиус (АГ):[6]

-----зи при данилѣ при …
--- [д]вѣдѣ подвоискии ива…
-кимѣ соцкомь имжѧнови…
дюдка и не доиск----- и вз[ѧ]…
до и могоричь пили ѕ д-[д]ин…
слѕси кол-ама-ипрѧ-а…
по борзѧта соцкии ивано …
ровичь радославо д…
(с)тепано по сѓо п…

Реконструкция:

(При кн҃зи при Данилѣ, при (тысяцкомь |при) [Д]вѣдѣ подвоискии Ива(но при) | (А)кимѣ соцкомь Имжѧнови[ч](и |искало) Дюдка, и не доиск(ало сѧ), и вз[ѧ](ло выкла)|до, и могоричь пили ѕ Д[юд]и. Н(а то по)|слѕси: … (по)|по Борзѧта, соцкии Ивано …|ровичь, Радославо …, (С)тепано …

[5] Стоит заметить в связи с этим, что с территории Галицкой Руси происходит и древнейшее косвенное свидетельство существования на восточнославянских землях практики письменного оформления завещаний. Имеем в виду берестяную грамоту № 2 из Звенигорода Галицкого, содержащую упоминание записанного священником предсмертного распоряжения некоего Говена (см. [*Зализняк*, 2004: 346]; изложенная здесь интерпретация документа, вопреки ее критике в [*Толочко*, 2008], остается в силе, см. [*Янин*, *Зализняк*, *Гиппиус*, 2015: 274–275]).

[6] Здесь и ниже мы используем следующие условные обозначения: в квадратные скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи.

В. В. Корниенко (ВК):[7]

--випридanилѣмари-----
дв҃дѣподвоискиииива------
-симѣсоцкомьимжеѧкови--
-юдкаинедои---в-ивзѧ----
лоимогоричп-а-ꙋденıєг---
слꙋсикол-амартинрѧзанец--
ио[а]борзѧтасоцкии--стан----
рзѧчерадославидѣлоска-----
степаноупосто҃тр҃цѣ

Реконструкция:

… при Данилѣ Мари[и] … Д(а)в(и)дѣ подвоискии Ива[нъ]… [Мак]симѣ соцкомь им же Ѧкови … [Д]юдка и недои[мки] в[с]и взѧ[лъ] … и могорич п[л]а[т]ꙋ денıєг[ъ] … [по]слꙋси кол[к]а Мартин рѧзанец[ь] … Иоа(нъ) Борзѧта соцкии [Ко]стан[тин] … [Бо]рзѧче Радослави дело ска[зати] … Степаноу по С(вѧ)то(и) Тр(ои)цѣ.

Перевод:

… при Данилі, Марії … Давиді підвойский Іван … Максимі соцькому ним же Якові … Дюдка, він недоїмки всі взяв … і могорич, плату грошей … послухів кілька: Мартин рязанець … Йоанн, Борзята соцький, Костянтин … Борзятине Радославу діло звелів … Степану по Святій Трійці[8]

В. Слободян, А. Гусак (СГ):[9]

[…]ки придани лжи ѧри
[…]в: дѣ подвоинскии ива
[…]симъ соцкомь имжѧкови
[.]юдка и недои данъѧ и взѧ
л он могоричъ п[и]ли ꙋдѣнии
слꙋси кола мани врѧзѧне
по борзѧ тѧ соцкии ѧнка н
р зиче радославо д[г…у]…саг
[…]те пано по сто три

«Адаптированная интерпретация»:

«[…] підданий злісній брехні […] помічник судді Іва[н] [.] симъ сотник имжакови[ч] […] Єврей не дошукався дані, взяв він могорич, і пили посеред дня […] Свідки Коламана в судовому процесі […] пошвидше сотник (урядовець) Янка […] зиче Радославу [г…у] […] те пану по сто три»[10]

[7] Цитируем по [*Корнієнко*, 2018: 289–291], без исправления авторских условных обозначений.

[8] Буквальный перевод: ‘… при Даниле, Марии … Давиде подвойский Иван … Максиме сотскому им же Якове … Дюдка, он все недоимки взял … и могорыч, плату грошей … свидетелей несколько: Мартин рязанец… Иоанн, Борзята сотский, Константин … Борзятино Радославу дело велел … Степану по Святой Троице’.

[9] Цитируем по [*Слободян*, *Гусак*, 2017: 110–111], без исправления авторских условных обозначений.

[10] Буквальный перевод: ‘[…] подвергнутый злобной лжи […] помощник судьи Ива[н] [.] симъ сотник имжакови[ч] […] Еврей не доискался дани, взял он могорыч, и пили посреди дня […] Свидетели Коламана в судебном процессе […] побыстрее сотник (чиновник) Янка […] зиче Радославу [г…у] […] те господину по сто три’.

Масштаб расхождений между версиями характеризует следующий факт: общими для трёх прочтений являются только шесть слов: *подвоискии*[11] *Ива*(*нъ*), *соцкомь*, *могоричь*, *соцкии*, *Радослав-*. И это в тексте, состоящем из более чем сорока слов! Такой разброд интерпретаций ставит под сомнение саму возможность объективного установления текста, затрудняя использование документа как исторического источника. Впрочем, сопоставляя версии попарно, мы наблюдаем более обнадеживающую картину. Оказывается, что больше всего сходств имеют версии АГ и ВК, вычленяющие в тексте слова *при Данилѣ*, *Дв҃дѣ подвоискии*, *Дюдка*, (*по*)*слуси*, *Борзѧта,* (*С*)*тепано*. Версии АГ и СГ объединяют отчество *Имжѧкович-* (в версии АГ: *Имжѧнович-*) и слово *пили*. При этом слова, которые бы объединяли версии ВК и СГ в общем противопоставлении версии АГ, отсутствуют — такое соотношение встречается лишь на уровне отдельных букв (к чему мы вернемся ниже). Таким образом, трактовки надписи №2, альтернативные предложенной в статье 2016 г., расходятся между собой существенно больше, чем каждая из них — с трактовкой АГ.

Неудивительно, что альтернативы чтениям, общим для двух версий, выглядят совершенно неприемлемыми в содержательном и/или лингвистическом отношении. Так, чтению *при Данилѣ* … противостоит в версии СГ экстравагантное сочетание *придани лжи ѧри* ‘подвергнутый злобной лжи’, чтению (*по*)*сл&си* — столь же невероятное *сл&си*, в котором публикаторы видят слово *слуги*, имеющее, однако, значение ‘свидетели’; прозрачному имени *Борзѧта* — последовательность *по борзѧ тѧ*, первая часть которой произвольно трактуется как наречие ‘быстро, как можно’, а вторая вовсе оставлена без интерпретации. В версии ВК таких откровенно ошибочных интерпретаций несколько меньше, но они тоже есть. Альтернативу чтению *Имжѧ*(*к/н*)*ович-* составляет в ней грамматически не интерпретируемое и не имеющее нормального перевода *им же Ѧкови*, а соответствием *пили*, идеально сочетающемуся с *могоричь*, выступает столь же неуместное в данном контексте *плату.*

Не будем продолжать список лингвистических претензий к трактовкам надписи, предложенным нашими украинскими коллегами, поскольку очевидно: ни для В. В. Корниенко, ни для В. Слободяна и А. Гусака грамматическая связность текста и его соответствие нормам древнерусского языка своего времени просто не являются требованиями, предъявляемыми к прочтению эпиграфического памятника. Две трактовки объединяет и недостаток внимания к формуляру актового источника — их авторов совсем не заботит то, как прочитанное ими соотносится с теми шаблонами, по которым строятся известные образцы древнерусской и староукраинской актовой документации, в том числе и в первую очередь — находящийся здесь же, на стене Св. Пантелеймона акт Мстислава Мстиславича. Возьмём хотя бы такой устойчивый компонент актового формуляра, как перечисление свидетелей. В. В. Корниенко относит к их числу не только лиц, обозначенных как *послуси*, но также Данила, «Марию» и Давыда, фигурирующих в самом начале документа, где ни в одном древнерусском акте послухов встретить

[11] В записи СГ: *подвоинскии*, но в прорисовке без *н*.

невозможно. Версия В. Слободяна и А. Гусака аномальна по другой причине: свидетели только упоминаются, но имена их не приводятся — вместо них текст наполняется персонажами (Коламан, Янка, Радослав), роль которых в структуре акта вообще не поддается определению. Да и сама структура, в которой можно было бы опознать формуляр акта, ни в одной из двух версий не просматривается: вместо неё мы имеем набор фраз, точнее их обрывков, описывающих ситуацию, общее содержание которой уяснить невозможно. Надо ли говорить, что ситуации, которые пытаются реконструировать В.В. Корниенко и В. Слободян с А. Гусаком, не имеют между собой ничего общего?

Трактовка, предложенная А.А. Гиппиусом в статье 2016 г., опиралась на убеждение, что два древнейших судебных акта Галицкой Руси, находящиеся в составе одного эпиграфического комплекса, должны обладать относительным структурным подобием. По этой причине имена Данила и Давыда в начале текста были поставлены в соответствие именам Мстислава и Игната в первой надписи, что позволило отнести акт ко времени княжения Даниила Романовича. По образцу акта Мстислава, *narratio* которого образует пара *искали … и не нашли*, была реконструирована пара (*искало*) … *и не доиск*(*ало сѧ*)[12]. С опорой на тот же текст, в котором далее читается *выкладеное дало*, относящееся к оправданному ответчику, была восстановлена клауза, формулирующая то же действие в перспективе судебной инстанции: *и вз*[*ѧ*](*ло выкла*)*до*. Общая структура этой части надписи оказалась таким образом сходной с надписью Мстислава, варьируя звенья того же актового формуляра. Значительный элемент реконструкции, свойственный этому чтению, представлялся (и продолжает представляться) оправданным актовым характером текста. При этом в статье 2016 г. не делалось попытки полной реконструкции текста: места, которые не удалось разобрать по имевшимся фотографиям и для которых не появилось версий, удовлетворительных с точки зрения языка и формуляра, были оставлены без интерпретации в надежде на дальнейший прогресс в изучении надписи. И это оправдало себя: такой прогресс действительно был достигнут В.В. Корниенко, прочитавшим в 6-й строке слово *рязанець*, а в 9-й — *Святои Троицѣ*, с чем невозможно не согласиться[13].

Сказанное не означает, что за исключением непрочитанных мест мы находим трактовку, предложенную в статье 2016 г., полностью достоверной. Как уже было сказано, чтения В.В. Корниенко и В. Слободяна — А. Гусака, не совпадая против чтения А.А. Гиппиуса ни в одном целом слове, совпадают, однако, в отдельных буквах. Два таких совпадения, несомненно, объясняются ошибками в транскрипции АГ. Во-первых, в имени,

[12] В дополнение к написанному ранее заметим, что глагол *доискатися* хорошо засвидетельствован в старорусской деловой письменности. Ср. в Судебнике 1497 г.: «А не доищется ищея своего, а будет виноват ищея, и ему имати на ищеи с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег» [Памятники русского права, 1955: 352].

[13] Корректность этих чтений можно оценить на фоне альтернатив, предлагаемых В. Слободяном и А. Гусаком, которые в 6-й строке читают «интересное древнеукраинское слово» *врѧзане*, объясняемое (без ссылок на источники!) как ‘в судебном процессе’, а во втором — сочетание *по сто три*, никак не привязанное к контексту.

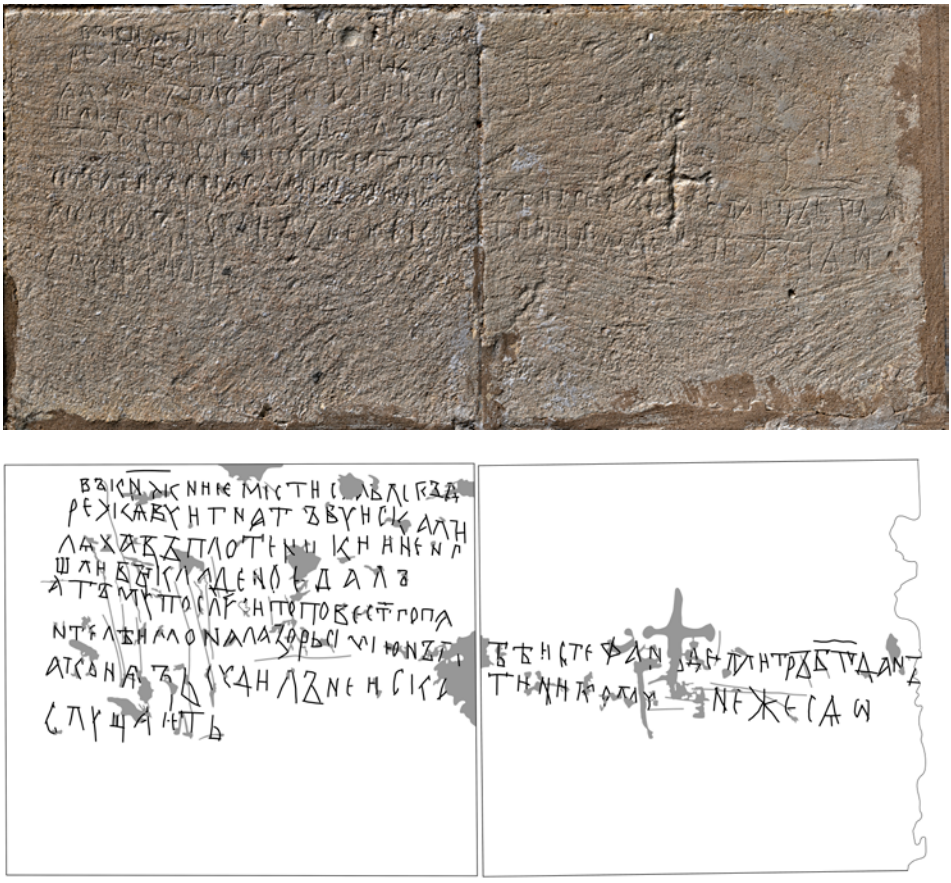
прочитанном как *Имжѧнович-*, вместо *н* следует читать *к*. Во-вторых, букву в начале пятой строки нужно признать несомненным *л* — трактовка ее как *д* с плохо сохранившейся платформой была обусловлена реконструкцией слова (*выкла*)*до,* по образцу «выкладного» в акте Мстислава. Новое прочтение этого сложного места, подтверждающее общую адекватность трактовки А. А. Гиппиуса, было предложено С. М. Михеевым. Оно представлено ниже в детальном разборе надписи, вместе с другими поправками к ее тексту.

История с тремя независимыми прочтениями граффито № 2 зримо обнажила одну из главных проблем, стоящих перед исследователями древнерусской эпиграфики, — проблему доказательности и верифицируемости прочтения эпиграфического текста. Разбирая буквы на изрытой временем каменной поверхности, исследователь, независимо от того, сознает он это или нет, всегда интерпретирует текст, а не просто фиксирует его. Перед читателем, которому предлагается на выбор несколько расходящихся друг с другом интерпретаций, остро стоит вопрос: какая из них соответствует действительности и в какой мере? При этом заверения исследователя X в том, что исследователь Y прочел некоторую букву неправильно, не может быть принято на веру, поскольку исследователь Z может быть другого мнения. Лингвистическая корректность прочитанного текста и возможность подтвердить прочтение параллелями в других источниках являются важнейшими критериями, позволяющими отсеять заведомо неправдоподобные интерпретации. Но соблюдение этих требований не гарантирует правильности прочтения: оно может достигаться и путём невольной «подгонки» транскрипции под исследовательскую гипотезу. В этой ситуации критически важной становится возможность независимой проверки адекватности предлагаемых транскрипций и прорисовок. В простых случаях для этого бывает достаточно хорошей фотографии. Однако в сложных случаях, при плохой читаемости текста, когда отдельные элементы букв становятся видны только под определенным углом света, получить объективную картину или, по крайней мере, приблизиться к ней можно, лишь сопоставляя фотографии, сделанные при разном расположении источника света. На современном уровне развития цифровых технологий оптимальным решением этой задачи является построение трёхмерной модели поверхности с надписью. Работая с визуализацией такой модели, меняя угол и направление света, заинтересованный читатель получает доступ к той же исходной информации, какой располагает исследователь, и может самостоятельно решить, согласен он с предложенной ему идентификацией того или иного начертания или нет. Не менее, а может быть, и более важно, что трёхмерная модель как точная цифровая копия эпиграфического памятника является формой сохранения его для будущего, что — в условиях постепенной и неизбежной эрозии каменных поверхностей — оказывается самой насущной задачей.

В области древнерусской храмовой эпиграфики технология трёхмерного моделирования (фотограмметрическим методом) уже была успешно опробована московской Лабораторией RSSDA в сотрудничестве с авторами настоящей статьи; она применялась, в частности, при прочтении надписи об убийстве Андрея Боголюбского, найденной в 2015 г. на стене Спасо-Пре-

ображенского собора в Переславле-Залесском [*Гиппиус, Михеев*, 2017; 2020]. В случае с галицкими граффити её использование представлялось единственным способом объективной фиксации текстов и выработки консенсуса в их интерпретации. Благодаря деятельной поддержке украинских коллег эту задачу удалось реализовать. 10–11 сентября 2019 г. несколько надписей церкви Св. Пантелеймона, включая четыре надписи актового характера, были отсняты Ю. М. Свойским; в конце 2019 г. — весной 2020 г. Е. В. Романенко, Е. С. Конаковой и А. А. Зиганшиной в Лаборатории RSSDA были сформированы трёхмерные модели галицких надписей. Их облегченные цифровые образы размещены на сайте Лаборатории RSSDA.[14]

Надпись №1, единственная из галицких актовых надписей выбитая на внешней стене церкви Св. Пантелеймона (на восточном прясле южного фасада), читается по модели следующим образом (см. илл. 1):



Илл. 1 а-б. Надпись № 1 – акт Мстислава Мстиславича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

[14] https://rssda.su/ep-rus. На участках с надписями обеспечивалась детальность моделирования 0,05–0,06 мм, на участках без надписей достигалось снижение детальности до 0,13–0,15 мм.

въкнѓжниєм-стис[л]авл[е]въ[д]-
режѧвуигнатъвуискали
лѧхавъплотеникиинена
шливъкладеноедалъ
атъмупослусипоповестѓопа
нтелѣимоналазорьс-м-юнъ---ѣистефан[ъ]демитръбѓданъ
ак[о]нѧз[ь]судилънеискатиникому(-)--нежесѧw
слушаєть

Перечислим отличия от прочтения 2016 г.: (1) *е*, а не *ѥ* между буквами *о* и *д* в четвёртой строке[15], (2) третья буква пятой строки — ъ, а не *о*, (3) *е* вместо *и* между *д* и *м* во второй половине шестой строки, (4) *не* вместо (*а*)[*и*] перед *жесѧw* в конце седьмой строки[16], (5) в восьмой строке не было никакого продолжения: это конец надписи.[17]

Имя второго свидетеля сильно повреждено. Оно однозначно определяется как *Сьмьюнъ*, однако могло быть записано через *е*, а не *ь*.[18] Следующее имя приходится на стык двух каменных блоков. На левом блоке могли уместиться две буквы, от которых видны только еле заметные остатки. На правом блоке перед *ѣи* видна буква *т*, как будто имеющая дополнительные элементы справа внизу. Возможно, это лигатура *тв* и перед нами форма (*Ма*)[*тв*]*ѣи*, хотя нельзя исключать и варианта *Матѣи*, предложенного в статье 2016 г.

Приведем теперь текст с делением на слова и описанными конъектурами:

въ кнѓжниє М-стис[л]авл[е] въ [д]-≍
режѧву Игнатъву искали
Лѧха въ плотеники и не на≍
шли въкладеное далъ
а тъму послуси попове Сѓго Па≍
нтелѣимона Лазорь С-м-юнъ [М](а)**[тв]ѣи Стефан[ъ]**
Демитръ Бѓданъ
а к[о]нѧз[ь] судилъ не искати никому(-)**--не же сѧ w≍**
слушаєть

Для поврежденного места в конце седьмой строки в статье 2016 г. была предложена конъектура *никому* (*же а*) [*и*]*же сѧ w*|*слушаєть* … ‘… никому. А кто ослушается …’ Она предполагала, что в несохранившемся продолжении восьмой строки читалась формулировка санкции, грозящей нарушителю. Теперь же, когда мы знаем, что это продолжение отсутствовало, глагол можно трактовать только как часть оптативной конструкции: ‘(И) пусть никто не ослушается!’ Точный вид этой фразы, к сожалению, не удаётся

[15] В. В. Корниенко также прочел здесь *е* [*Корнієнко*, 2018: 184].

[16] И. Пеленский читал здесь буквы *нѥ*, а Т. В. Рождественская — *не* [*Рождественская*, 1992: 128].

[17] Возможно, это подразумевалось уже в первой публикации надписи [*Pełeński*, 1914: 32].

[18] Отметим нестандартное распределение графем *о*/ъ и *е*/*ь* в графико-орфографической системе данной надписи. В уверенно читаемых местах неконечные слабые редуцированные записаны при помощи графем *о* (*к*[*о*]*нѧз*[*ь*]) и *е* ([*д*]-|*режѧву*, *плотеники*, *вькладеное*, *Демитръ*; в слове *нашли* слабый редуцированный пропущен). При этом все 12 конечных редуцированных записаны через ъ и *ь*: *въ* (3×), *далъ*, *Лазорь*, *С-м-юнъ*, *Стефан*[ъ], *Демитръ*, *Бѓданъ*, *к*[*о*]*нѧз*[*ь*], *судилъ*, *w*|*слушаєть*. Обратная замена *е* на *ь* не представлена, а замена *о* на ъ встретилась лишь дважды на девять примеров с *о*: *Игнатъву*, *а тъму* (обратим внимание на удивительное сходство этих фрагментов: *…атову* и *а тому*).

установить. Слева от *н*, возможно, стояла буква *а*, а левее нее, по-видимому, была написана буква *ж*, находящаяся почему-то заметно выше уровня строки и существенно правее её ожидаемого положения в слове *никомуже*. Возможно, фраза содержала ошибку или подверглась исправлению.

В стандартной орфографии и с современной пунктуацией текст акта будет выглядеть следующим образом:

> Въ княжение Мьстиславле, въ дьрьжаву Игнатову искали Ляха въ плотьники и не нашли; выкладьное далъ.
>
> А тому послуси попове Святаго Пантелѣимона: Лазорь, Сьмьюнъ, Матвѣи, Стефанъ, Дьмитръ, Богданъ.
>
> А кънязь судилъ не искати никому[---] не же ся ослушаеть!

Перевод:

‘В княжение Мстислава, в управление Игната рассматривался иск к Ляху из-за плотников, и не был удовлетворен; [Лях] уплатил «выкладное».

А тому свидетели — попы Святого Пантелеймона: Лазарь, Семьюн, Матвей, Стефан, Дмитр, Богдан.

А князь постановил [более по этому делу] никому иска не предъявлять, и пусть [никто] не ослушается!’

Подробный комментарий к этому акту см. в статье [*Гиппиус*, 2016: 52–56][19]. О Богдане см. также надпись № 7.

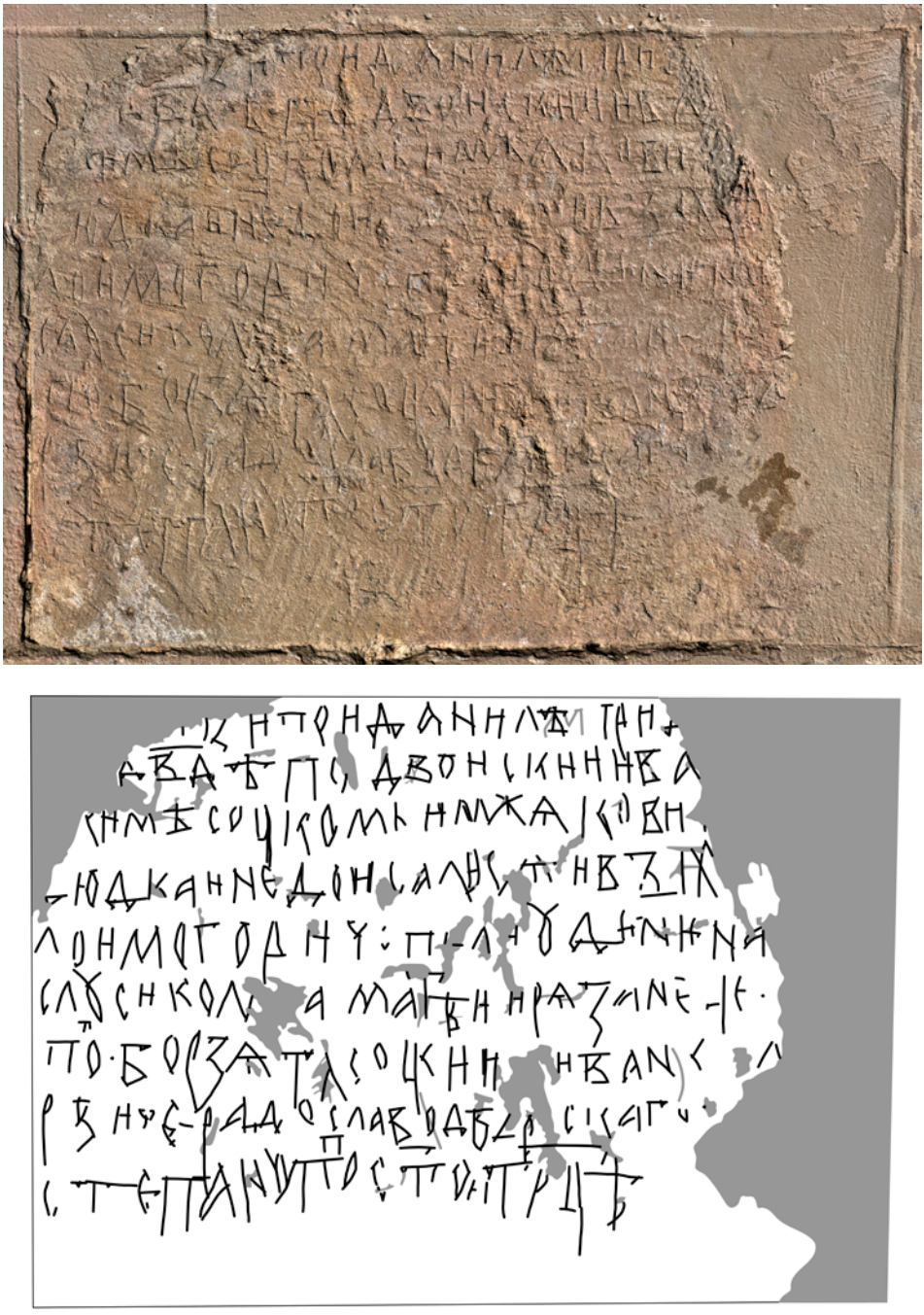
Надпись № 2, расположенная на внутренней стене церкви, с южной стороны от западного портала, читается по новой модели следующим образом (см. илл. 2):

-----зиприданилѣпри[д](…)
---дв̑дѣ·подвоискииива(…)
-кимѣсоцкомьимжѧкови…
дюдкаинедои[с]ал-сѧ·ивъıх(…)
лоимогорич[е]п[и]ли8де[нє]н[а](…)
сл8сико[м]-аматвиирѧзане[це·](…)
по[ц]·борзѧтасоцкии(-)иван…
рзиче·радославод[в]-р-скаго[·](…)
степанопо[ц]сто̑[и]трцѣ

Предложенное в статье 2016 г. чтение буквы *з* в первой строке подтверждается её сопоставлением с другими *з* данной надписи: ср. *з* сходного нестандартного начертания с очень длинной левой засечкой в начале восьмой строки. Буква *ѣ* в слове *Данилѣ* в первой строке написана поверх буквы *м*. Следующие две буквы (*пр*) написаны лигатурно.

От буквы после *и* на конце третьей строки видна только вертикаль внизу, однако иные реконструкции кроме [*ч*] здесь неуместны.

[19] Предложение В.В. Корниенко [2018: 186] вернуться к истолкованию слова *плотеники* как ‘плательщики’ лингвистически несостоятельно. Приводимые исследователем примеры просторечной замены *а* на *о* в глаголе *платить*, извлекаемые из великорусских текстов XVIII–XIX вв., не должны быть принимаемы во внимание на фоне многих сотен употреблений этого глагола с корневым *о* в древнерусских, старорусских и староукраинских текстах.



Илл. 2 а-б. Надпись № 2 – акт Даниила Романовича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

В начале четвёртой строки уверенно читается имя *Дюдка*, имеющее восточное происхождение, о чём уже говорилось в статье 2016 г.[20]. В слове *дои*[*с*]*ал-сѧ* в середине строки, вероятно, пропущена буква *к*. Буква между *л* и *с* похожа на *о* и на *и*. Возможно, это результат правки одной буквы на другую.

В конце пятой строки В. В. Корниенко верно прочёл последовательность букв *ѯденѥ*, которые вслед за В. Слободяном и А. Гусаком следует трактовать как запись слова <уденье> в значении наречия ‘пополудни’.

В конце шестой строки подтверждается прочтение слова *рѧзанец*, предложенное В. В. Корниенко.

Окончание имени *Иван*… в седьмой строке повреждено. В конце строки видна буква *л* или деталь буквы *м* — возможно, это начало отчества [*М*](*илобо*)|*рзиче*, от имени *Милоборзъ*; ср. предыдущее имя *Борзята* (← *Бързята*), известное также по двум надписям из Софии Киевской, и отчество погибшего в 1268 г. под Раковором новгородца Василя Воиборзовича[21].

Буквы *о* в последней девятой строке имеют ромбовидные очертания, при этом в первой из них штрихи длиннее, чем это требуется для ромбовидного *о*. Буква [*и*] в слове *Сто*[*и*] угадывается с трудом. Если она действительно имеется в надписи, то была процарапана уже после написания следующей буквы, менее глубокими штрихами. В конце строки стоит слово *Трцѣ*, верно прочтенное В. В. Корниенко.

Теперь можно привести текст с делением на слова и уверенными конъектурами:

(при к)**[н]зи при Данилѣ при [д]**(…)
(при) **Дв҃дѣ · подвоискии Ива**(н… при)
(А)**кимѣ соцкомь Имжлкови[ч]**(- искал-)
Дюдка и не дои[с]ал-сѧ · и вых(од… да)⸗
ло и могорич[е] п[и]ли ѯде[нѥ] н[а] (то по)⸗
слѯси Ко-(-)-а Матвии рѧзане[це ·] (…)
по[ⁿ] · Борзѧта соцкии (·) **Иван**… …(бо)⸗
рзиче · Радославо д[въ]р(е)**скаго** [·]
Степано по" Сто[и] Трцѣ

В конце первой и второй строк до края каменного блока могли уместиться еще примерно по семь букв. В конце первой строки, скорее всего, читалась должность Давыда — вероятно, [*д*](*ворскомь*) или [*д*](*ержѧвцѣ*), если восстанавливать его по аналогии со словами *въ дережѧву Игнатъву* в акте Мстислава Удатного (№ 1).[22]

В конце второй строки могло не быть ничего кроме слов *Ива*(*но при* | *А*)*кимѣ*, но мог стоять и какой-то глагол: например, <судилъ> или <былъ> в смысле ‘находился, присутствовал’: ср. *а тѯ былъ* в начале перечня сви-

[20] Ср. прозвище *Дюдка* (*Дютка*), которое носил Фёдор Александрович Ёлкин-Кобылин — внук родоначальника бояр Романовых Андрея Кобылы [*Веселовский*, 1974: 105].

[21] См. [*Высоцкий*, 1966: 60–64, табл. XXVII–XXVIII, №25; *Корнієнко*, 2011: 131, 333 (табл. CCII: 3), №2090; Новгородская первая летопись, 1950: 86 (6776, л. 145), 316 (6776, л. 181 об.)]. Ср. также топоним *Brzeta* в Боснии и Герцеговине.

[22] Ср. термин «державца», известный на территории Великого княжества Литовского с XV в. [*Любавский*, 1892: 68–69].

детелей покупки Бояновой земли в граффито Софии Киевской [*Высоцкий*, 1966: 60–64, табл. XXVII–XXVIII, № 25]. Подвойский и сотский, по-видимому, могли вдвоём составлять судебную инстанцию, в которой, однако, главным должен был быть сотский, если исходить из уставной грамоты Василия Дмитриевича Двинской земле 1397–1398 гг. [Памятники русского права, 1955: 162–163].

В третьей и четвёртой строках необходимо сделать выбор из нескольких возможных вариантов: «искалъ Дюдка и не доискался» или «искали Дюдка и не доискалися»; «Имжаковичь», «Имжаковича» или «Имжаковичи» (гипотетически это может быть отчество сотского Якима, истца, истцов или ответчика — Дюдка). Наиболее вероятной нам теперь представляется реконструкция *Имжѧкович*(*ѧ искали*) | *Дюдка* ‘Рассматривался иск к Дюдку Имжаковичу’. Во-первых, она подразумевает неупоминание истца, как и в акте № 1 (*искали Лѧха в плотеники и не нашли*). Во-вторых, препозиция отчества представлена в соседнем акте № 3, а также, по-видимому, в плохо сохранившемся документе № 4 (об обоих этих текстах пойдёт речь ниже). Наконец, в-третьих, человек с восточным именем *Дюдко* приобретает таким образом соответствующее его имени отчество.[23]

В конце четвёртой строки, перед словом (*да*)|*ло*, вероятно, стояло слово *вых*(*одо*), однако нельзя исключать и реконструкции *вых*(*одное*): ср. *выкладное* в надписи № 1 и *выходъ* в акте № 3, о котором см. ниже.

Имя первого свидетеля в шестой строке из-за утраты читается не полностью, а в конце шестой строки утрачено короткое имя священника, который был третьим свидетелем.

Таким образом, мы можем предложить реконструкцию текста акта, снабдив её современной пунктуацией и сняв эффект бытовой орфографии:

> [При к]нязи при Данилѣ, при д[… при] Давыдѣ подвоискии Ива[нъ … (?) при Я]кимѣ соцкомь.
>
> Имжакович[я искали] Дюдка и не доис[к]ал[и]ся; и вых[одъ] (*или*: вых[одное]) [да]лъ; и могоричь пили уденье.
>
> На [то по]слуси: Ком[-]а Матвии рязанець, [----] попъ, Борзята соцкии, Иванъ [Милобо]рзичь, Радославъ двор[ь]скаго, Степанъ попъ Святои Троицѣ.

Перевод:

‘При князе Даниле, при дворском (*или*: державце) Давыде подвойский Иван был (*или*: судил) при сотском Якиме.

Рассматривался иск к Дюдку Имжаковичу (?), и не был удовлетворен; и [Дюдко] дал «выход» (*или*: «выходное»); и пили могорыч пополудни.

Этому свидетели — Матвей Ко… рязанец, поп …, сотский Борзята, Иван Милоборзич (?), Радослав, [сын] дворского, Степан, поп Святой Троицы’.

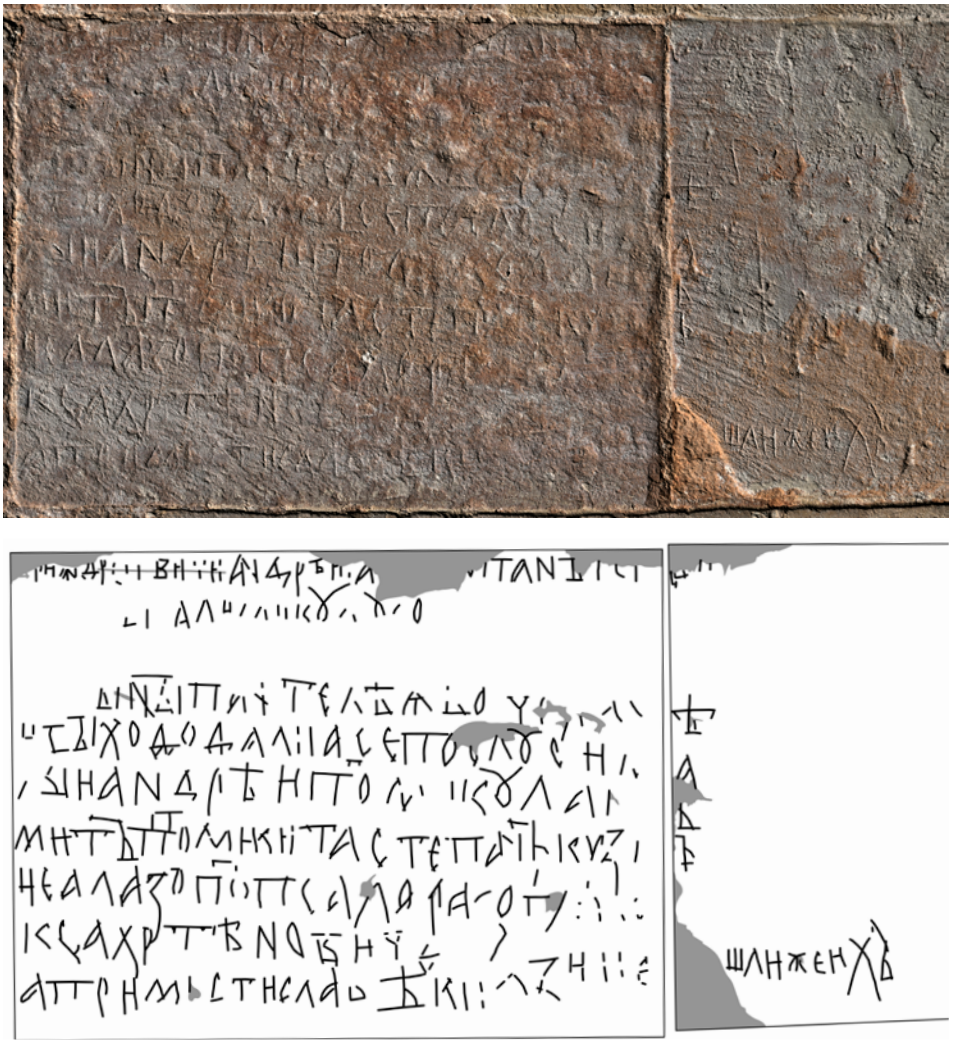
Возможно, имя дворского, отца Радослава, не упомянуто по той причине, что это был тот самый Давыд, имя которого читается в начальной датирующей фразе акта[24].

---

[23] Если эта реконструкция верна, то в слове <доискалися> букву *о* <ъ> правили на *и*.

[24] О возможной идентификации Давыда с Давыдом Вышатичем см. [*Гиппиус*, 2016: 60–61].

Надпись № 3 к северу от западного портала, в которой В. В. Корниенко прочитал, в частности, имя «Андрѣи» в середине первой строки, слова «а се послуси» в середине и фразу «А при Мьстиславѣ князѣ не нашли же ихъ» в последней строке [*Корнієнко*, 2017: 93–95, 104 (іл. 7–8); 2018: 276–277, 494–495 (табл. CCXXIII–CCXXIV), № 762], по трехмерной модели читается так (см. илл. 3):



Илл. 3 а-б. Надпись № 3 – акт Андрея Андреевича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

--[иандр]--вич[и]андр[ѣи:]а------пан------(…)
-------л[им]ик8[л8]-о…
…
---[ъı]нъıпанте[лѣ]ѧ-о(-)ч----(-)Ѣ

[и в]ъыхододал[и]асепослѫси-а
-ъыандрѣипо":м-кѫла-(-)[ь]
митъпо"микитастеп[анъ]к[уз]-[ь]
цеалазоп[о]-псалора-о--:---
ксахотѣнович[е]
априм[ь]стисла[в]ѣк[нꙗзине]--шли же ихъ

Надпись содержит лигатуры *ан* (дважды в первой строке и по одному разу в четвертой и седьмой строках) и *ик* (в седьмой строке). В седьмой строке дважды представлена высокая буква ъ (ср. также ъ на конце десятой строки).

Как выясняется, надпись начиналась с упоминаний Андрея Андреевича — то есть сына венгерского короля Андраша II принца Андраша — и, по-видимому, некоего Степана (возможно — тысяцкого, державца, дворского).

Во второй строке предположительно восстанавливаются слова (*и*)[*ска*]-*л*[*и*] [*М*]*ик*ѫ[*л*ѫ].

Правая половина второй строки и третья строка надписи практически полностью затерты и не читаются.

В четвёртой строке упоминался человек по имени *Пантелѣи* (вряд ли таким образом могла быть обозначена церковь Св. Пантелеймона). В начале строки, судя по всему, читалось имя на *-ына*, также в родительном падеже.

На переходе с шестой строки на седьмую можно реконструировать [*н*](*а*)*ь*|*митъ* <наимитъ> ‘наемный работник’. Замена *и*, обозначающего /jь/, на *ь* изредка встречается в древнерусских текстах, ср. *пришми ь въ городѣ* в берестяной грамоте №737 середины — второй половины XII в. [*Янин, Зализняк*, 2000: 36] и *п*(*о*)*г*(*р*)*еб*(*ъ*)*ше ь* ‘похоронив его’ в надписи о смерти и погребении князя Всеволода Мстиславича в новгородской церкви Благовещения на Городище [*Гиппиус, Михеев*, 2019: 38].

С делением на слова и конъектурами текст приобретает следующий вид:

(п)**[ри Андр]--вич[и] Андр[ѣи :] а** (при Ст)**[е]пан[ѣ] -----(…)**
--- (и)**[ска]л[и М]икѫ[лѫ] -о…**
…
---[ы]нъı Панте[лѣ]ѧ -о(-)ч----(-)ѣ
[и в]ъыходо дал[и] а се послѫси [м]а≠
[л]ъıи Андрѣи по" : М(и)кѫла [н](а)**[ь]≠**
митъ по" Микита Степ[анъ] к[узнь]≠
це а Лазо п[о"] псало ра-о--- : -[ле]≠
кса Хотѣнович[е]
а при М[ь]стисла[в]ѣ к[нꙗзи не] (на)**шли же ихъ**

Ключевое значение для понимания текста в целом имеет заключительная фраза. В. В. Корниенко истолковал её в том смысле, что при Мстиславе было вынесено судебное решение, зафиксированное надписью. Между тем фраза явно сообщает о другом: что при князе Мстиславе ответчики по данному делу *тоже* были оправданы; сама же запись, как мы теперь знаем, сделана при Андрее Андреевиче. Таким образом, перед нами несомненная отсылка к более раннему судебному постановлению. Слова «не нашли же ихъ» показывают, что Микула был обвинён и оправдан вместе с ещё какими-то лицами — «с товарищи», как можно было бы выразиться на языке более позднего

времени. Но это ближайшим образом напоминает содержание акта Мстислава Мстиславича, в котором «Лях» привлекался к суду «въ плотьники» ‘за плотников’[25]. Разница лишь в том, что в первом случае ответственность возлагается на главу некоторого коллектива, тогда как во втором он разделяет её со своими подопечными. Появляется, таким образом, серьёзное основание думать, что Микула надписи №3 — это то же лицо, что и Лях надписи №1, и что при Андрее Андреевиче Микула по прозвищу Лях был повторно обвинён «съ плотники» — вопреки прямому предписанию Мстислава Мстиславича более не предъявлять иска по этому делу. Иначе говоря, документом, к которому отсылает последняя фраза надписи №3, является акт №1. С предположением, что иск был предъявлен плотницкой артели, хорошо согласуется присутствие среди свидетелей наемного рабочего и кузнеца[26].

В свете такого понимания существа дела интерпретируются и имена в четвёртой строке. Можно думать, что они принадлежали тем самым плотникам, которые были обвинены и оправданы вместе с Микулой и которые вместе с ним внесли упоминаемый далее «выход». Употребление форм родительного падежа объясняется тем, что, в отличие от имени Микулы, перечень имён плотников управляется глаголом с отрицанием, при котором в языке этого времени последовательно употребляется генитив: (*не нашли ихъ*: *Микулы*), …, *…ыны*, *Пантелѣѧ*, … Окончание четвёртой строки содержало, по всей вероятности, ещё два имени. Их сохранившиеся фрагменты допускают, в частности, реконструкцию: [*Б*]*о*(*и*)*ч*(*ѣ*), [*Зд*](*а*)[*ч*]*ѣ* (ср. довольно распространённую фамилию *Бойчин*). Заметим, что имя, заканчивавшееся на *-ына*, было также безусловно не христианским.

Следует отметить, что «выход» в документе Андрея Андреевича и «выход» или «выходное» в акте №2 выступают на месте «выкладного» документа №1 и «помочного» украинских грамот XV в., с которым «выкладное» было сопоставлено в статье 2016 г. [*Гиппиус*, 2016: 55–56]. Историческими словарями такое использование слова *выходъ* не фиксируется, хотя оно и употреблялось в близком значении разовой выплаты князей при получении ханских ярлыков. Ср. также *выходъ* как переход к другому сюзерену и *выходное* как плату за такой переход [Історичний словник українського язика. Т. I: 472; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3: 271–272; Словарь древнерусского языка. Т. II: 259].

В имени *Лазорь* в восьмой строке пропущены последние две буквы. После слова *псало*, вероятно, стояло прозвище попа Лазоря, возможно, *ра*[*з*]*о*[*гу*^{n}], т. е. <*Разгулъ*>.

В книжной орфографии и с современной пунктуацией текст акта может быть реконструирован следующим образом:

> [Пр]и Андрѣевичи Андрѣи, а [при Ст]епан[ѣ … и]скали Микулу съ [плотники и не нашли ихъ: Микулы,] … …ыны, Пантелѣя, Бо[-]ч[-], Зд[--]ѣ; и выходъ дали.

[25] Об этом значении предлога *въ* см. [*Зализняк*, 1993: 309–312; 2004: 162].

[26] Упоминание кузнеца заставляет вспомнить приводившееся в статье 2016 г. письмо перемышльского судьи Костька польскому королю Владиславу II Ягайлу с описанием ситуации, в которой контроль за работой плотников и раздачу им денег осуществлял некий *клепачь* (кузнец) [*Гиппиус*, 2016: 55].

А се послуси: малыи Андрѣи попъ, Микула н[а]емитъ, попъ Микита, Степанъ кузнець; а Лазо[рь] попъ псалъ Разъгулъ (?), [О]лекса Хотѣновичь.

А при Мьстиславѣ князи не нашли же ихъ.

Перевод:

‘При Андрее Андреевиче, при Степане … рассматривался иск к Микуле и плотникам (?), и они были оправданы: Микула, … …ына, Пантелей, Бойча (?), Здача (?) — и уплатили «выход».

А вот свидетели: поп Андрей Малый, наемный рабочий Микула, поп Микита, кузнец Степан, а поп Лазорь Разгул (?) писал [эту надпись], Олекса Хотенович.

А при князе Мстиславе их тоже оправдали’.

Писец этой надписи поп Лазорь, по всей видимости, идентичен попу Святого Пантелеймона Лазорю — первому свидетелю акта Мстислава Мстиславича (№ 1). То, что он упомянут не последним, вероятно, объясняется случайным пропуском имени Олексы Хотеновича, внесённого в акт уже после его завершения.

Нельзя полностью исключить возможности того, что Степан, фигурирующий в *datum* акта, — это Стефан-«конюх», получивший владения в Венгии за услуги, оказанные Андрею Андреевичу, после смерти последнего [*Дьёни*, 2017: 821].

Четвёртый акт «каменного архива» церкви Св. Пантелеймона сохранился существенно хуже описанных выше (илл. 4). Фотографию надписи, находящейся внутри храма, в центральном членении северной стены, и почти полностью занимающей поверхность одного каменного блока, опубликовал В. С. Вуйцык, отметивший, что её сильно повреждённый текст состоит из 11 строк [*Вуйцик*, 1996: 194, вклейка после с. 192]. В статье 2016 г. было предложено частичное прочтение данной надписи по фотографии В. С. Вуйцыка и по результатам её натурного изучения [*Гиппиус*, 2016: 58, прим. 165], а в статье и книге В. В. Корниенко были даны новая фотография и прорись надписи и версия чтения двух последних строк её текста, сохранившихся лучше остальных [*Корнієнко*, 2017: 95–96, 103 (іл. 5–6); 2018: 280–281, 496–497 (табл. CCXXV–CCXXVI), № 763].

Илл. 4. Надпись № 4 – акт Мстислава Мстиславича. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA)

Прочтение текста надписи № 4 затруднено не только самими утратами поверхности блока, но и тем, что в разное время они были замазаны цементом, который скрыл под собой и многие читаемые буквы. В левой верхней части блока цементная заплатка тянется неровной полосой до 9-й строки, правее центра блока находится вытянутое по вертикали овальное повреждение, затронувшее пять строк, а справа уничтожены по несколько букв на конце десяти строк граффито. При этом овальное повреждение было зацементировано в относительно недавнее время, о чём свидетельствует фотография, приведённая в статье В. С. Вуйцыка 1996 г. На этом фото можно прочесть некоторые буквы, скрытые сейчас под слоем цемента.

Мы уверены, что продвинуться в интерпретации этого сложного документа станет возможно после раскрытия цементных заплаток, мешающих прочтению текста. Пока же можно заметить, что большинство предварительных чтений, предложенных в статье 2016 г. (в том числе слова (*Коу*)*зма тивоун*[ъ] в пятой строке), подтверждается. В дополнение к этому в середине первой строки, где В. В. Корниенко увидел буквы *ни---в-----лаза*, по модели достаточно уверенно читается фрагмент *нии Мьстиславли*, то есть текст акта начинался со слов «При княжении Мьстиславли» — Мстислава Мстиславича Удатного. Во второй половине четвёртой строки предположительно можно реконструировать слова *а се п*[*осл*](*оус*)[*и*] *Мо*… ‘А вот свидетели: Мо…’ (подчёркнутые буквы были прочитаны В. В. Корниенко).

В трёх относительно хорошо сохранившихся галицких актах в списках свидетелей числится по шесть человек, то есть по полудюжине. Это

шесть священников церкви Св. Пантелеймона в документе № 1 Мстислава Мстиславича, четыре священника, кузнец и ещё один человек — в акте № 3 Андрея Андреевича, писцом которого, по-видимому, был священник церкви Св. Пантелеймона, и два священника, сотский, сын дворского и ещё два лица — в более позднем акте № 2 Даниила Романовича[27]. В дошедшем до нас в значительно худшем виде документе № 4 Мстислава Мстиславича, вероятно, было перечислено больше свидетелей, что заставляет снова вспомнить об уже упоминавшейся нами киевской надписи, где приводится список из двенадцати «послухов» покупки Бояновой земли, все или почти все из которых были киевскими священниками[28].

По своему содержанию три галицких судебных акта, подтверждающих оправдание в суде названных в них ответчиков, как уже было отмечено Т. В. Гимоном, близки к следующему по времени древнерусскому судебному документу — смоленской грамоте 1284 г., а также к более поздним московским правым грамотам XV в. Главным содержательным отличием галицких текстов является то, что в них не излагается суть предъявлявшихся обвинений. Кроме того, по-видимому, во всех трёх актах не упоминались истцы. Указав на кардинальные расхождения в формуляре этих документов, Т. В. Гимон заключил, что «галицкие надписи и смоленская грамота, хотя и являются текстами одного и того же назначения, не отражают какой-либо одной традиции» [*Гимон*, 2016: 27–28]. Подтверждается и вывод об отсутствии в эпоху создания надписей устоявшегося формуляра судебного акта — можно сказать, что этот формуляр вырабатывается прямо на наших глазах. Так, термину *выкладное* акта Мстислава противостоит *выходъ* в актах Андрея и Даниила, тогда как по другому признаку — *не нашли* / *не доискалися* — акт Даниила противопоставлен актам Мстислава и Андрея. Только в нём упоминается и обряд распития могорыча. Наконец, чрезвычайно значимым выглядит сам факт фиксации на стенах храма именно оправдательных судебных решений: оформленные таким образом, акты трёх галицких князей должны были восприниматься как образцы справедливого суда, совершаемого в присутствии представителей Церкви и освящённого её авторитетом.

Обратимся теперь к надписям церкви Св. Пантелеймона, содержащим в себе точные даты. Насколько нам известно, первое печатное сообщение о подобных граффити на стенах этого храма принадлежит исследователю архитектуры и реставратору церкви Св. Пантелеймона И. Р. Могитичу: «Исследуя граффити на стенах, — писал И. Р. Могитич, — искусствовед В. С. Вуйцик открыл три неизвестные ранее датированные надписи, относящиеся к XIII в. Самая древняя (1212 г.) открыта на пилястре южного фасада; на том же фасаде обнаружена надпись, датированная 1229 г., и надпись в интерьере (1288 г.)» [*Могытыч*, 1982: 66][29].

[27] Об участии шести человек в судебных и досудебных разбирательствах ср.: [*Чебаненко*, 2016: 105–106, 112–113].

[28] Подробнее см. [*Дробышева*, 2020: 134].

[29] Ср. также [*Раппопорт*, 1982: 110].

Надпись «1212 г.» на лопатке между западным и центральным пряслами южного фасада церкви Св. Пантелеймона (далее — № 5) содержит начальную часть даты: «Въ лѣто 67[--], мѣсяца августа». Последние две буквы годовой даты повреждены. Т.В. Рождественская и В.В. Корниенко читают в надписи № 5 слова **лѣⷮ ҂ѕѱ҃ве**, то есть «лѣто 6702-е» — 1194 г., а В.С. Вуйцык в статье 1996 г. предложил чтение **ѕѱ҃ке**, то есть либо «лѣто 6720-е» (1212 г.), либо «лѣто 6725» (1217 г.). Предпочтительным В.С. Вуйцык считал первый вариант, при котором конечное -*е* трактуется как фонетический дополнитель[30].

Как заметил В.В. Корниенко, тем же почерком с характерной лигатурой *мц* в слове *мⷭца* <мѣсяца> выполнена надпись № 6 на северной стене жертвенника (илл. 5). В.С. Вуйцык читал в ней дату **ѕѱче** — 6795 (1287) г., а В.В. Корниенко — **҂ѕѱве** — 6702 (1194) г.[31] По трехмерной модели надпись читается следующим образом:

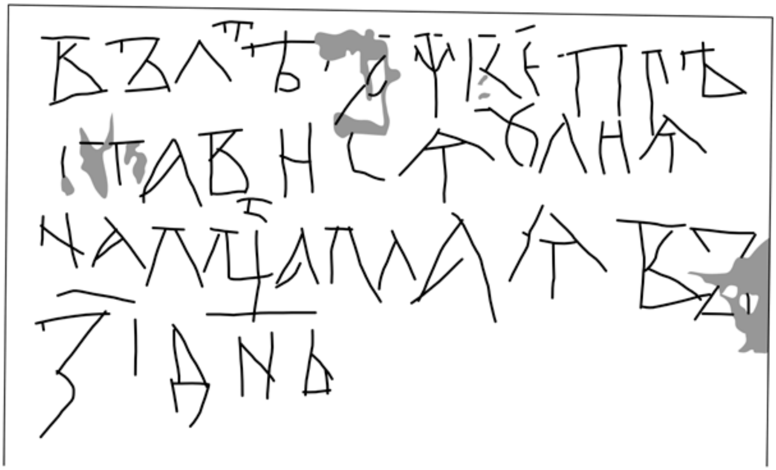
въ лѣⷮ ҂гѱ҃к҃е҃ прѣ=
стависѧ ꙋлиѧ=
на мⷭца маѧ въ
з҃і дн҃ь

Над буквами *ѱ*, *к* и *е* в первой строке хорошо видны одинаковые титла. Короткое низкое титло над *к* делает его похожим на *в*, что и стало причиной ошибки В.В. Корниенко.[32] Титло могло стоять и над буквой *г* в начале годовой даты.

[30] См. [*Рождественская*, 1992: 125–126, № 84; *Вуйцик*, 1996: 192, вклейка после с. 192; *Корнієнко*, 2018: 227, 432 (табл. CLX: 2), № 526]. В работе О.М. Иоаннисяна и Т.В. Рождественской утверждается, что данная надпись «была известна еще И.И. Срезневскому, который читал дату как 1212 г., что было принято и В.С. Вуйциком» [*Иоаннисян, Рождественская*, 2009: 203]. Между тем ссылок на И.И. Срезневского нет ни в статье В.С. Вуйцыка, ни в статье О.М. Иоаннисяна и Т.В. Рождественской.

[31] См. [*Вуйцик*, 1996: 192, вклейка после с. 192; *Корнієнко*, 2018: 284–286, 486 (табл. CCXIV: 1), № 753].

[32] Впрочем, следует с сожалением заметить, что необоснованное удревнение датировок строительства церквей путем прочтения мнимых дат в их надписях-граффити является отличительной чертой данного исследователя; ср. [Матеріали Круглого столу «Заснування Софійского собору в Києві: Проблеми нових датувань», 2010].



Илл. 5 а-б. Надпись № 6 – о смерти Ульяны. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

С раскрытием сокращений текст приобретает следующий вид:

Въ лѣто 6725 прѣставися Улияна, мѣсяца мая въ 17 дьнь.

Перевод:

‘17 мая 6725 года преставилась Ульяна’.

Прочтение надписи №6 позволяет вернуться к разбору надписи №5 и, основываясь на фотографиях, опубликованных В.С. Вуйцыком и В.В. Корниенко, предложить для нее следующую реконструкцию:

въ лѣᵀ **҂ѕѱ[ке]**
м[с]**ца авгоус**⸗
т(…)

Над цифрами в первой строке могли стоять титла.

Упрощенный текст:

Въ лѣто 6725 мѣсяца августа […].

Перевод:

‘… августа 6725 года …’

Таким образом, надписи №5–6 следует датировать августом и 17 мая 1217 г., а не существенно более ранними датами, как предлагали Т.В. Рождественская и В.В. Корниенко. Это обстоятельство лишает твёрдой почвы принятую в академической «Истории русского искусства» удревнённую датировку галицкой церкви Св. Пантелеймона концом XII в. [*Архипова*, 2015: 335][33].

Следующая надпись с датой тоже является сообщением о смерти, как и известие о кончине Ульяны. Это надпись №7, расположенная на внешней стене, ~~восточнее~~ южного портала (илл. 6).

[33] В книге В.В. Корниенко представлена также надпись на внешней стене центральной апсиды храма, прочтенная им как «*ѕѱ҃а въ к҃в авъг*(*уста* …)» ‘22 августа 6701 (1193) года’ [*Корнієнко*, 2018: 138, 347 (табл. LXXIV: 1), №204]. К сожалению, нам пока не удалось изучить эту надпись, не поддающуюся прочтению по фотографии в своде В.В. Корниенко. Полной уверенности, что в этом граффито была дата, нет.

Илл. 6 а-б. Надпись № 7 – о смерти Богдана. Растровое изображение трёхмерной полигональной модели (Лаборатория RSSDA) и прорись (С.М. Михеев)

В отличие от всех остальных надписей церкви Св. Пантелеймона, прочтение данного граффито не вызвало никаких разногласий: В.С. Вуйцык, Т.В. Рождественская и В.В. Корниенко согласны в чтении содержащейся в ней годовой даты: **ѕ҇ѱ҃лз** — 6737 (1229) г.[34]

Приведем полный текст надписи № 7:

въ лѣ҃ ѕ҇ѱ҃лз
м҃(ц)а маѧ въ
г҃оумре Богда[нъ]

[34] См. [*Рождественская*, 1992: 126, 127, № 85; *Вуйцик*, 1996: 192, вклейка после с. 192; *Корнієнко*, 2018: 209, 411 (табл. CXXXIX: 1), № 457].

Буква *з* в конце первой строки повреждена широким вертикальным штрихом.

Упрощенный текст:

Въ лѣто 6737, мѣсяца мая въ 10, умре Богданъ.

Перевод:

‘10 мая 6737 года умер Богдан’.

В. В. Корниенко справедливо заметил, что Богдан может быть идентичен шестому свидетелю акта № 1 — попу церкви Св. Пантелеймона в годы княжения Мстислава Мстиславича. Отметим, что обе надписи — № 1 и № 7 — находятся на южном фасаде.

Итак, во время княжения трёх правивших друг за другом галицких князей: Мстислава Мстиславича, Андрея Андреевича (сына Андраша II) и Даниила Романовича — на стенах церкви Св. Пантелеймона были начертаны как минимум четыре надписи актового характера. В трёх хорошо читаемых судебных документах кратко сообщается об оправдании ответчиков и уплате ими судебной пошлины, что в каждом случае сопровождается перечнем из шести свидетелей.

Две древнейших надписи с точными датами на стенах церкви Св. Пантелеймона были выполнены в мае и августе 6625 (1217) г., в княжение Коломана, старшего брата Андрея Андреевича. Это дает надежный terminus ante quem для датировки строительства церкви Св. Пантелеймона.

Список литературы

1. *Архипова Е. И.* Архитектурный декор и скульптура XII века в Южной, Юго-Западной Руси и Рязани // История русского искусства. Т. 2/2: Искусство второй половины XII века. М., 2015. С. 306–353.

2. *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

3. *Вуйцик В.* Графіті XII–XV століть церкви святого Пантелеймона в Галичі // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. CCXXXI: Праци Комісії спеціальных (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 1996. С. 189–194.

4. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев, 1966.

5. *Гимон Т. В.* Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. Вып. 3. М., 2016. С. 18–48.

6. *Гиппиус А. А.* Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. С. 49–64.

7. *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 3 (69). М., 2017. С. 31–32.

8. *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. № 1. М., 2019. С. 35–54.

9. *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // Slověne = Словѣне. Vol. 9. № 2. 2020. В печати.

10. *Дробышева М.М.* Граффито №25 из Софии Киевской: Что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (48). Пермь, 2020. С. 130–145.

11. *Дьёни Г.* Королевич Андрей // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. Вып. 4. СПб., 2017. С. 817–824.

12. *Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–320.

13. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

14. *Иоаннисян О.М., Рождественская Т.В.* Надпись из церкви св. Пантелеймона в Галиче Южном в контексте политических событий конца XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2007 г. Материалы конференции. М., 2007. С. 93–98.

15. *Иоаннисян О.М., Рождественская Т.В.* Надпись с именами Мстислава и Игната на стене церкви Св. Пантелеймона в Галиче в контексте политических событий конца XII в. // Труды Государственного Эрмитажа. XLVI: Архитектурно-археологический семинар Архитектура и археология Древней Руси: Материалы научной конференции к 100-летию со дня рождения М.К. Каргера (1903–1976), 26–28 ноября 2003 года, и научного заседания, посвященного 90-летию ученого, 27 мая 1993 года. СПб., 2009. С. 198–218.

16. Історичний словник українського язика. Т. І: А — Ж. [Зошит І.] Харків; Київ, 1930.

17. *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. III: Центральна нава. Київ, 2011.

18. *Корнієнко В.* Документи канцелярії галицького князя Мстислава Мстиславовича на стінах церкви Святого Пантелеймона // Галич: Збірник наукових праць. Вип. 2. Івано-Франківськ, 2017. С. 86–104.

19. *Корнієнко В.В.* Епіграфіка сакральних пам'яток Галича (XII–XIX ст.). Івано-Франківськ, 2018. (Галич: Збірник наукових праць. Сер. 2. Вип. 3.)

20. *Любавский М.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского статута. М., 1892.

21. Матеріали Круглого столу «Заснування Софійского собору в Києві: Проблеми нових датувань» (7 квітня 2010 р., м. Київ). Київ, 2010.

22. *Могытыч И.Р.* Результаты исследования церкви Пантелеймона близ Галича // Академия наук СССР. Ордена Трудового Красного знамени Институт археологии. Краткие сообщения. 172: Археология и архитектура. М., 1982. С. 65–70.

23. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

24. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. М., 1955.

25. *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–47.)

26. *Рождественская Т.В.* Древнеболгарская эпиграфическая традиция и новгородская эпиграфика XI–XV вв. // Palaeobulgarica = Старобългаристика. XIV, 2. 1990. С. 51–58.

27. *Рождественская Т.В.* Древнерусская эпиграфика X–XV веков: Учебное пособие. СПб., 1991.

28. *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

29. *Рождественская Т.В.* Надписи-граффити XII–XIII вв. в памятниках зодчества Волыни и Галича // Проблемы изучения древнерусского зодчества (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П.А. Раппопорта 15–19 января 1990 г.). СПб., 1996. С. 90–91.

30. *Слободян В., Гусак А.* Образок з життя на зламі XII–XIII ст. зі стін храму Святого Пантелеймона поблизу Галича // Галич: Збірник наукових праць. Вип. 2. Івано-Франківськ, 2017. С. 105–114.

31. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II: (възалкати — добродѣтельникъ). М., 1989.

32. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. V: (молимъ — обѧтьнъ). М., 2002.

33. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3: (володѣнье — вящьшина). М., 1976.

34. *Толочко А.П.* «Правда Русская» и звенигородская берестяная грамота №2 // Palaeoslavica. XVI/1. 2008. P. 276–278.

35. *Чебаненко С.Б.* Досудебные способы разрешения конфликтов в эпоху Пространной Правды: новгородская берестяная грамота №548 // Новгородский исторический сборник. 16 (26). Великий Новгород, 2016. С. 103–114.

36. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.

37. *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Т. XII: (Из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.

38. *Pełeński J.* Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków, 1914.

DOI: 10.26158/OIFN.2020.9.1.014